

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ЗАГАДОК В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ СКАЗКАХ И НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Ф.Х. Гулиева (Занукоева)

Представленная статья посвящена анализу особенностей функционирования загадок в произведениях более крупных жанровых форм (сказках и нартских сказаниях). Исследование проведено на материале карачаево-балкарского устного народного творчества впервые. Актуальность его обусловлена отсутствием в национальной фольклористике обобщающих, систематизирующих работ по загадкам, неразработанностью многих важных аспектов их изучения. К числу подобных вопросов относится и проблема связи и взаимодействия отдельных жанров. В карачаево-балкарском фольклоре загадки представлены рядом разновидностей: классические лаконичные загадки, загадки-вопросы, шуточные загадки, математические загадки, повествовательные загадки. Все они в той или иной мере оказали влияние на поэтику народных сказок и нартских сказаний. В работе отмечается, что загадки редко включаются в прозаические тексты в чистом виде. В большинстве случаев мы имеем дело с использованием различных загадочных формул, игрой слов, обменом иносказательными репликами, применением композиционной формы «вопрос–ответ» и др. Подчеркивается, что подобные приемы являлись сознательным актом и были направлены на решение конкретных художественных задач (создание конфликтной ситуации, речевая характеристика героев и т.д.). Проведенное исследование показало, что загадки играют немаловажную роль в формировании структуры и развитии сюжета отдельных карачаево-балкарских сказок и нартских сказаний. Помимо этого, в ряде случаев включение в повествование иносказательных реплик, диалогов, неразрешимых на первый взгляд задач является отражением этнографического компонента материальной и духовной культуры создающего этноса (например, брачных ритуалов). Все перечисленное свидетельствует о сложности обозначенной проблемы и перспективности дальнейшего, более углубленного изучения карачаево-балкарских загадок.

***Ключевые слова:** карачаево-балкарский фольклор, загадки, нартский эпос, сказки, сюжет, композиция, речевая характеристика героя.*

Загадки, традиционно относимые к малым афористическим (паремииологическим) жанрам фольклора, составляют значительный пласт карачаево-балкарской устной словесности. В них в образной, метафорической форме передается накопленный многовековой культурно-исторический опыт народа, в закодированном виде сохраняется информация о мифологической и языковой картинах мира, особенностях мировосприятия

и мировидения этноса. Несмотря на это, загадки до настоящего времени все еще не становились объектом монографического исследования в данной национальной фольклористике. В большинстве своем отдельные аспекты их изучения (история записи и публикации, краткая тематическая и содержательная характеристика и т.п.) затрагивались в контексте характеристики карачаево-балкарского устного народного творчества в целом [1, 23; 2, 31; 3, 17; 4, 18–20; 5, 569–570, 574]. В последние годы наметился определенный прогресс в исследовании обозначенного жанра, подтверждением чему служат научные статьи Б.А. Берберова «История и поэтика карачаево-балкарской загадки» [6], «Функциональный потенциал антонимов в карачаево-балкарской загадке» [7], «Этнокультурные особенности карачаево-балкарской загадки» [8] и Ж.М. Локьяевой «Жанровая природа и особенности карачаево-балкарских загадок» [9], «Тематические и художественные особенности жанра загадки в карачаево-балкарском фольклоре» [10]. Тем не менее, наиболее обстоятельной работой по загадкам обозначенного этноса на сегодняшний день все еще остается статья С.Ч. Алиева «Эл берген джомакъла» – «Загадки» [11], предваряющая сборник «Къарачай халкъны эл берген джомакълары» – «Карачаевские народные загадки» (1984). В ней автор не только дает определение загадки и подробную характеристику ее специфических свойств, особенностей бытования, но и затрагивает такие проблемы, как связь загадок с другими жанрами фольклора, их трансформация в соответствии с культурно-историческими изменениями в обществе, современное состояние. Также исследователь предложил свой вариант классификации рассматриваемого жанра. «Анализируя свой собственноручно собранный фольклорный материал, С.Ч. Алиев обратил внимание на то, что, кроме классической загадки, существуют и другие, довольно оригинальные по форме “загадочные комплексы”, стилизованные под смежные жанры. Все такого рода “диффузные” поджанры он собрал в единый блок, включив в него “загадки-вопросы”, “шуточные загадки”, “арифметические загадки” и “загадки-сказки”» [12, 96].

Однако, несмотря на все перечисленные достоинства, указанная работа не может решить весь комплекс задач по изучению карачаево-балкарских загадок. Одним из актуальных вопросов является и исследование взаимодействия загадок с другими жанрами устного народно-поэтического творчества. Если в отечественной и северокавказской фольклористике данная проблема уже попадала в поле зрения ученых [13; 14; 15; 16; 17], то в работах карачаево-балкарских филологов мы находим лишь пару заметок на эту тему. Так, А.И. Караева справедливо отмечала, что загадки «живут как самостоятельный жанр народного творчества, а также входят в песни и произведения прозаических жанров фольклора» [1, 23]. С.Ч. Алиев также писал, что нет ни одного жанра устной словесности, не связанного с загадкой. Содержатся они и в пословицах, входят в народ-

ные песни, встречаются в старинных сказаниях, сказках [11, 27]. Здесь следует вспомнить, что практически все фольклорные жанры происходят из единого «корня» и восходят к древним мифологическим представлениям этноса, его культам, обрядам и ритуалам, что, по всей видимости, и позволяет одним сюжетам, мотивам и даже целым текстам органично вливаться в более крупные по объему произведения.

Предметом исследования в данной статье является функционирование загадочных формул в текстах сказок и нартских сказаний карачаевцев и балкарцев.

Как уже было отмечено выше, в карачаево-балкарском фольклоре существует несколько разновидностей загадок, хотя не все исследователи сходятся во мнении об их количестве и составе. Если С.Ч. Алиев выделял классические короткие загадки, загадки-вопросы, шуточные загадки, арифметические загадки и повествовательные загадки, то Т.Ш. Биттирова вычленяет короткие загадки, загадки-вопросы, шуточные загадки и повествовательные загадки [4, 19], а составитель сборника *«Къарачай-малкъар ойберле бла элберле»* – «Карачаево-балкарские притчи и загадки» М.М. Ольмезов предлагает выделять традиционные загадки, загадки-вопросы, загадки-шутки и математические загадки [18, 172–282]. На наш взгляд, классификационная схема С.Ч. Алиева представляется наиболее правильной и полной.

В той или иной форме все обозначенные разновидности загадок оказали влияние на поэтику сказок и нартских сказаний. В то же время следует отметить, что «загадка как жанр в чистом виде редко бытует в сказках. Чаще встречаются загадочные понятия, игра слов, обмен иносказательной речью, парадоксы, вопросы-ответы, образующие развернутую метафорическую формулу, т.е. все художественные и поэтические приемы, отделившиеся от основного жанра» [14, 60]. Данное утверждение применимо и к текстам героического эпоса «Нарты». Остановимся на этом явлении подробнее.

Одним из наиболее известных примеров непосредственного включения загадки в ткань повествования являются тексты на мотив гостевания нартских богатырей у эмегенов «Сосурук и Алауган» [19, 276–278], «Сосурук и Сибилчи» [19, 278–281] и др. Один из вариантов сказки-загадки «Кто больше?», вошедшей в вышеупомянутый сборник С.Ч. Алиева под номером 1447 [11, 208–209], используется нартами как хитрая уловка, нацеленная на то, чтобы вызвать среди эмегенов яростный спор, который позволил бы пленным гостям спастись живыми и невредимыми. В другом же нартском сказании «Ёрюзмек и Сосурук» [20, 219–221] сказка-загадка «Кто больше?» заменена на загадку-вопрос: эмегенам надлежало определить, что появилось раньше – наковальня, молот или клещи. Правильный ответ, как и в первом случае, в самом тексте мы не получаем. Отгадка находит-

ся в третьем сказании – «Дебет стал небесным кузнецом» [20, 298–299]: именно нартский кузнец Дебет соорудил сперва наковальню, затем молот и в конце, увидев переплетенных в сражении друг с другом змей, по их подобию создал клещи. Тот факт, что загадки не получают правильного ответа, в данном контексте не имеет значения, поскольку он и не требовался изначально. В анализируемых произведениях целью загадывания было не соперничество в остроумии и смекалке, а разжигание конфликта в стане врага, т.е. художественная задача, заключающаяся в развитии сюжета, была достигнута.

Несколько иначе обстоит дело с бытовыми и волшебными сказками о мудрости.

В ряде сказочных текстов в качестве брачных испытаний используются загадки-вопросы. Так, например, в сказке «*Акъыллы къыз бла юч соруу*» – «Мудрая девушка и три вопроса» [21, 363] повествуется об одном мудром и добром хане, который долгое время оставался холостым. На уговоры создать семью, чтобы у него появились наследники, он ответил, что женится только на умной девушке, которая сумеет стать ему опорой и достойно воспитать их детей. С этой целью он задал три вопроса, на которые сумела правильно ответить лишь дочь одной из прислужниц:

«– Каково расстояние между утром и вечером? – сказал хан.

– Расстояние между утром и вечером – в один день. Солнце, утром встает, вечером заходит, – ответила девушка.

– А каково пространство между небом и землей? – спросил хан.

– А пространство между небом и землей одно. Один раз посмотрев – оба видишь!

– А расстояние между ложью и правдой?

– А расстояние между правдой и ложью – четыре пальца! – сказав, девушка прикладывает свою ладонь к пространству между ухом и глазом. – Глаз видит истину, ухо слышит ложь. А расстояние между глазом и ухом – четыре пальца» [21, 363].

Таким образом, благодаря своему уму дочь прислуги стала женой хана.

В сказке «*Акъыллы къыз*» – «Умная девушка» [21, 414–415] мы вновь сталкиваемся с мотивом поиска ханом жены. Однако здесь вместо загадок-вопросов используются иносказательные высказывания девушки, которые предстоит разгадать государю. На вопросы ханских посланников девушка отвечает, что ее отец сел на восьминогую и уехал по делам, а мать отправилась к не останавливающейся, что подразумевало: отец уехал на беременной кобыле, а мать пошла на мельницу. В качестве калыма девушка просит тридцать лисиц, сорок волков и шестьдесят меринов (выхощенных жеребцов). Разгадав смысл послания (тридцать лис, сорок волков и шестьдесят меринов подразумевали возможный возраст жениха и соответствующие им характеристики его дееспособности), хан понял, что дан-

ный брак не состоится, и женился на более взрослой женщине, а девушке подарил имущество, которое хватило бы для безбедной жизни.

Как видим, в данных случаях мы имеем дело с речевой характеристикой героев посредством применения композиционной формы загадок-вопросов или иносказательных формул. В то же время они способствуют и развитию сюжета произведения.

В карачаево-балкарском фольклоре встречаются и случаи, когда загадка вплетается в сказочную поэтику не столь явно. Так, в волшебной сказке «*Баш сюек*» – «Череп» [22, 485–487] повествование строится вокруг двух таинственных явлений. Некий известный человек находит череп, на котором написано, что из-за него умерло десять человек и еще умрет девятеро. Решив нарушить предсказание, он избавляется от черепа, но по пути домой подбирает узелок, в котором оказывается порошок из его остатков. Когда он отправляется в хадж, его дочь, устав от притязаний соседа, решает покончить с собой и употребляет этот порошок, думая, что это яд. В результате происходит непорочное зачатие и на свет появляется поразительно одаренный, умный мальчик. В том же государстве рыбаки хана изловили удивительную красную рыбу. Когда ее несли в дар государю, его жена выглянула из окна и, якобы оберегая свою честь, крикнула, чтобы в случае, если это самец, его не заносили во дворец. В этот момент рыба умерла, треснув пополам. Пораженный этим событием хан велел в течение недели выяснить его причину, угрожая в противном случае всех истребить. Ответ сумел дать только мальчик, рожденный от таинственного черепа. Выяснилось, что девять прислужниц жены хана на самом деле – переодетые мужчины, ее любовники. Поэтому, услышав слова ханши и в то же время будучи в курсе истинного положения дел, чудесная рыба лопнула от негодования. В результате девять человек были казнены и, следовательно, сбылось предсказание, написанное на черепе. Становится очевидным, что в данном случае загадка глубоко проникла в ткань повествования и определила структуру произведения.

Включение в ткань повествования загадочных формул, иносказаний было обусловлено, на наш взгляд, не только стремлением сказителя сделать свое повествование более красочным, занимательным, но и необходимостью обрисовать определенные ситуации, связанные с народными обычаями, ритуалами, бытовавшими в среде карачаевцев и балкарцев в древности. «Если рассмотреть сказания, сказки, в них, как в зеркале, ясно видно, для чего в древности народ применял свои загадки. Иногда мужчина женщины, а иногда женщина мужчины ум-разум изучает, иногда кто-то своим талантом находит то, что невозможно найти, получает недостижимое богатство», – писал С.Ч. Алиев [11, 27–28]. В этом плане определенный интерес представляет нартское сказание «*Агунда бла Къарашауай*» – «Агунда и Карашауай» [20, 203–205], в котором главный герой в ситуа-

ции, когда ему предлагают в жены дочь предводителя нартов Ёрюзмека, при личной встрече с девушкой через игру на свирели, которая понятна окружающим не хуже слов, в иносказательной форме сообщает о своем отказе:

Дом твоего отца – добротный дом,
Однако пол неровный.
И крыша хорошо накрыта,
Но печная труба кривая.

И к двери нареканий нет,
Немного скошена, узка,
Наоборот поставлены,
А так и окна есть

(здесь и далее подстрочный перевод наш – Ф.Г.-З.)
[20, 204].

Агунда, не поняв метафоричности сообщения, отвечает:

Хоть труба и крива,
Дым криво не выходит.
Пол хоть и неровен,
Ходящего не заставляет падать.

Хоть дверь и скошена,
Гость, попадая [в проем], входит.
Неправильно поставленное окно
Тоже пропускает свет солнца [20, 204].

Когда же гость, скоропалительно распрощавшись, уезжает, Сатанай, узнав содержание «разговора», раскрывает истинный смысл сообщения Карашауая. Фраза «пол кривой» была упреком в том, что ему как гостю не было проявлено должное уважение: вместо того, чтобы лично пригласить его в дом, хозяева послали другого человека. Слова о кривизне печной трубы были связаны с тем, что хозяйка не сумела утолить жажду даже одного гостя. Узость и скошенность двери были нареканием за то, что, ища с ним брачного союза, его вызвали не из его собственного дома, а из гостевого. А говоря, что окна поставлены наоборот, неправильно, герой дал понять, что они с Агундой не станут единой семьей.

Таким образом, проведенное исследование показало, что включение в тексты карачаево-балкарских сказок и нартских сказаний загадок, подражание загадочным формулам, применение иносказания, метафоры, использование композиционной формы «вопрос / задача – ответ / решение» были не бессознательным актом, а вполне осмысленным действием,

направленным на достижение конкретных целей, и были обусловлены не столько диффузионными процессами, сколько генетической общностью происхождения отдельных жанров фольклора, контаминационными возможностями более крупных жанровых форм, а также мастерством сказителей. В рассмотренных текстах загадки использовались главным образом для речевой и образной характеристики персонажей, а также как средство построения структуры повествования и развития сюжета, т.е. выполняли структуро- и сюжетообразующую функции. Кроме того, в ряде случаев включение в текст реплик-загадок, неразрешимых, невыполнимых задач является отражением древних обычаев, ритуалов (например, брачных испытаний жениха / невесты). Все изложенное свидетельствует о сложности и неоднозначности обозначенной проблемы, о наличии значительного исследовательского потенциала у карачаево-балкарских загадок и перспективности их дальнейшего, более углубленного изучения.

-
1. *Караева А.И.* Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1966. 320 с.
 2. *Холаев А.З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик: Эльбрус, 1974. 144 с.
 3. *Малкондуев Х.Х.* Фольклор и фольклористика // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. З.Х. Толгуров. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 8–35.
 4. *Биттирова Т.Ш.* Ал сѣз (Введение) // Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...: къарачай-малкъар фольклор жыйымдыкъ (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...): хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 3–22. (на кар.-балк. яз.).
 5. *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.М.-А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. С. 522–584.
 6. *Берберов Б.А.* История и поэтика карачаево-балкарской загадки // *Oriental Studies*. 2021. № 14 (3). С. 635–648. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648.
 7. *Берберов Б.А.* Функциональный потенциал антонимов в карачаево-балкарской загадке // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2021. № 3 (101). С. 126–132. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-126-132.
 8. *Берберов Б.А.* Этнокультурные особенности карачаево-балкарской загадки // *Известия СОИГСИ*. 2021. № 40(79). С. 130–139. DOI: 10.46698/VNC.2021.79.40.009.

9. Локьяева Ж.М. Жанровая природа и особенности карачаево-балкарских загадок // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. Нальчик: Принт Центр, 2021. С. 108–114.

10. Локьяева Ж.М. Тематические и художественные особенности жанра загадки в карачаево-балкарском фольклоре // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 3(101). С. 133–139. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-133-139.

11. Алиев С.Ч. Эл берген джомакъла (Загадки) // Алиев С.Ч. Къарачай халкъны эл берген джомакълары (Карачаевские народные загадки). Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карач.-Черкес. отд-ние, 1984. С. 8–30. (на кар.-балк. яз.).

12. Берберов Б.А. С.Ч. Алиев – собиратель и публикатор карачаево-балкарских загадок // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 5(103). С. 93–99. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-93-99.

13. Елеонская Е.Н. Некоторые замечания о роли загадки в сказке // Этнографическое обозрение. 1987. № 4. С. 78–90.

14. Бритаева А.Б. Роль и функции жанров загадок и небылиц в художественной структуре сказки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 22. № 53. С. 59–62.

15. Титова Н.Г. Доминантная функция загадки в русском и английском «сказочном» дискурсе // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. № 1 (37). С. 319–324.

16. Гашарова А.Р. Роль лезгинских народных загадок в структуре бытовой сказки // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 2. С. 126–132. DOI: 10.18522/1995-0640-2021-2-126-132.

17. Борокова Л.А. Загадки и пословицы в структуре абазинских сказок // Родной язык сегодня: Проблемы сохранения и развития. Материалы региональной с международным участием научно-практической конференции. Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2021. С. 109–116.

18. Къарачай-малкъар ойберле бла элберле (Карачаево-балкарские притчи и загадки) / сост. М.М. Ольмезов. Нальчик: Эльбрус, 2010. 456 с. (на кар.-балк. яз.).

19. Нартла (Нарты) / сост. М.Ч. Журтубаев, Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Эльбрус, 1995. 464 с. (на кар.-балк. яз.).

20. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / отв. ред. А.И. Алиева. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 656 с.

21. Къарачай-малкъар халкъ жомакъла. Экикитап тобламасы (Карачаево-балкарские народные сказки: в 2 кн.) / сост. С.А. Мусукаева. Нальчик: Эльбрус, 2012. Кн. 1. 592 с. (на кар.-балк. яз.).

22. Къарачай-малкъар фольклорну своду. 3-чю том. Къарачай-малкъар жомакъ (Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. 3. Карачаево-балкарская сказка) / отв. ред. Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с. (на кар.-балк. яз.).

Gulieva (Zanukoeva), Farizat H. – The Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”» (Nalchik, Russia); gfariza37@mail.ru

FUNCTIONAL ROLE OF RIDDLES IN KARACHAY-BALKARIAN FAIRY-TALES AND NART EPOS.

Keywords: *Karachay-Balkarian folklore, riddles, nart epos, fairy-tales, plot, composition, speech characteristics of a hero.*

The presented article is devoted to analysis of the features of functioning of riddles in the works of larger genre forms (fairy-tales and nart legends). The study was conducted on the material of Karachay-Balkarian oral folk art for the first time. Its relevance is due to the lack of generalizing, systematizing works on riddles in national folklore study, the lack of development of many important aspects of their research. Among these issues is the problem of communication and interaction of individual genres. In Karachay-Balkarian folklore riddles are presented in a number of varieties: classic laconic riddles, riddles-questions, comic riddles, mathematical riddles, narrative riddles. All of them, in one way or another, influenced the poetics of folk fairy-tales and nart legends. The paper notes, that riddles are rarely included in prose texts in their pure form. In most cases we are dealing with the use of various mysterious formulas, wordplay, exchange of allegorical remarks, the use of the compositional form «question–answer», etc. It is emphasized, that such techniques were a conscious act and were aimed at solving specific artistic problems (creating a conflict situation, speech characteristics of heroes, etc.). The study showed, that riddles play an important role in shaping the structure and development of the plot of individual Karachay-Balkarian fairy-tales and nart legends. In addition, in a number of cases, the inclusion of allegorical remarks, dialogues, and seemingly insoluble tasks in the narrative is a reflection of the ethnographic component of the material and spiritual culture of the creating ethnic group (for example, marriage rituals). All of the above indicates the complexity of the identified problem and the prospects for further, more in-depth study of karachay-balkarian riddles.

References

1. Karaeva, A.I. *Ocherk istorii karachaevskoj literatury* [Essay on the history of karachay literature]. Moscow, Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1966. 320 p.

2. Holaev, A.Z. *Karachaevo-balkarskij nartskij epos* [Karachay-Balkarian nart epos]. Nalchik, Elbrus, 1974. 144 p.

3. Malkonduev, H.H. *Fol'klor i fol'kloristika* [Folklore and folklore study]. Tolgurov, Z.H. (ed.) *Ocherki istorii balkarskoy literatury* [Essays on the history of Balkarian literature]. Nalchik, State Enterprise KBR «Republican Polygraphic Plant, named after Revolution of 1905», 2010, pp. 8–35.

4. Bittirova, T.Sh. *Al sez* [Introduction]. Bittirova, T.Sh., Gabaeva, A.B. (comp.) *Alg'yshla, nart taurukhla, zhomak'la, zhyrla, elberle. K"arachaj-malk"ar fol'klor zhyjymdyk* [Wishes, legends about narts, fairy-tales, songs, riddles. Readings on Karachay-Balkarian folklore]. Nalchik, Elbrus, 1997, pp. 3–22. (in Karachay-Balkarian).

5. Hadzhieva, T.M. *Fol'klor* [Folklore]. Karaketov, M.D., Sabanchiev, H.M.-A. (eds.) *Karachaevcy. Balkarcy* [Karachais. Balkarians]. Moscow, Nauka, 2014, pp. 522–584.

6. Berberov, B.A. *Istoriya i poetika karachaevo-balkarskoj zagadki* [History and poetics of the Karachay-Balkarian riddle]. *Oriental Studies*. 2021, no.14 (3), pp. 635–648. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648.

7. Berberov, B.A. *Funkcional'nyj potencial antonimov v karachaevo-balkarskoj zagadke* [The functional potential of antonyms in the karachay-balkarian riddle]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2021, no. 3 (101), pp. 126–132. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-126-132.

8. Berberov, B.A. *Etnokul'turnye osobennosti karachaevo-balkarskoj zagadki* [Ethnocultural features of the Karachay-Balkarian riddle]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2021, no. 40 (79), pp. 130–139. DOI: 10.46698/VNC.2021.79.40.009.

9. Lok'yaeva, Zh.M. *Zhanrovaya priroda i osobennosti karachaevo-balkarskih zagadok* [Genre nature and peculiarities of Karachay-Balkarian riddles]. *Fol'klornyj tekst: rubezh tysyacheletij* [Folklore text: the turn of the millennium]. Nalchik, Print Tsentr, 2021, pp. 108–114.

10. Lok'yaeva, Zh.M. *Tematicheskie i hudozhestvennye osobennosti zhanra zagadki v karachaevo-balkarskom fol'klоре* [Thematic and artistic features of the riddle genre in Karachay-Balkarian folklore]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2021, no. 3 (101), pp. 133–139. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-133-139.

11. Aliev, S.Ch. *El bergen dzhomak'la* [Riddles]. Aliev, S.Ch. *K"arachaj halk"ny el bergen dzhomak'lary* [Karachay folk riddles]. Cherkessk, Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1984, pp. 8–30. (in Karachay-Balkarian).

12. Berberov, B.A. *S.Ch. Aliev – sobiratel' i publikator karachaevo-balkarskih zagadok* [S.Ch. Aliev – a collector and publisher of the karachay-balkarian riddles]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2021, no. 5 (103), pp. 93–99. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-93-99.

13. Eleonskaya, E.N. *Nekotorye zamechaniya o roli zagadki v skazke* [Some remarks about the role of riddle in fairy-tale]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1987, no. 4, pp. 78–90.

14. Britaeva, A.B. *Rol' i funkcii zhanrov zvgvdok i nebylic v hudozhestvennoj strukture skazki* [Role and functions of genres of riddles in the belles-lettres structure of a fairy-tale]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen]. 2007, vol. 22, no. 53, pp. 59–62.

15. Titova, N.G. *Dominantnaya funkciya zagadki v russkom i anglijskom «skazochnom» diskurse* [Dominant function of riddles in Russian and English «fairy-tale» discourse]. *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet imeni V.I. Vernadskogo* [Questions of modern science and practice. University named after V.I. Vernadsky]. 2012, no. 1 (37), pp. 319–324.

16. Gasharova, A.R. *Rol' lezginских narodnyh zagadok v strukture bytovojskazki* [Role of Lezgin folk riddles in the structure of everyday fairy tales]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences]. 2021, vol. 25, no. 2, pp. 126–132. DOI: 10.18522/1995-0640-2021-2-126-132.

17. Borokova, L.A. *Zagadki i poslovcy v strukture abazinskih skazok* [Riddles and proverbs in structure Abazin fairy-tales]. *Rodnoj yazyk segodnya: Problemy sohraneniya i razvitiya. Materialy regional'noj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferencii* [Native language today: Problems of assembly and development. Materials of the regional scientific-practical conference with international participation]. Karachaevs, Karachay-Cherkessian State University named after U.D. Aliev, 2021, pp. 109–116.

18. Ol'mezov, M.M. (comp.) *K'arachaj-malk'ar ojberle bla elberle* [Karachay-Balkarian parables and riddles]. Nalchik, Elbrus, 2010. 456 p. (in Karachay-Balkarian).

19. Zhurtubaev, M.Ch., Malkonduev, H.H. (comp.) *Nartla* [Narts]. Nalchik, Elbrus, 1995. 464 p. (in Karachay-Balkarian).

20. Alieva, A.I. (ed.) *Narty. Geroicheskij epos balkarcev i karachajcev* [Narts. The heroic epos of Balkars and Karachais]. Moscow, Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1994. 656 p.

21. Musukaeva, S.A. (comp.) *K'arachaj-malk'ar halk' zhomak'la. Ekikitap toblamasy* [Karachay-Balkarian national fairy-tales. In 2 vols]. Nalchik, Elbrus, 2012, vol. 1. 592 p. (in Karachay-Balkarian).

22. Malkonduev, H.H. (ed.) *K'arachaj-malk'ar fol'klornu svodu. 3-chy tom. K'arachaj-malk'ar zhomak'* [The set of Karachay-Balkarian folklore. Vol. 3. Karachay-Balkarian fairy-tale]. Nalchik, Publishing department of Institute for Humanities Research of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2017. 990 p. (in Karachay-Balkarian).